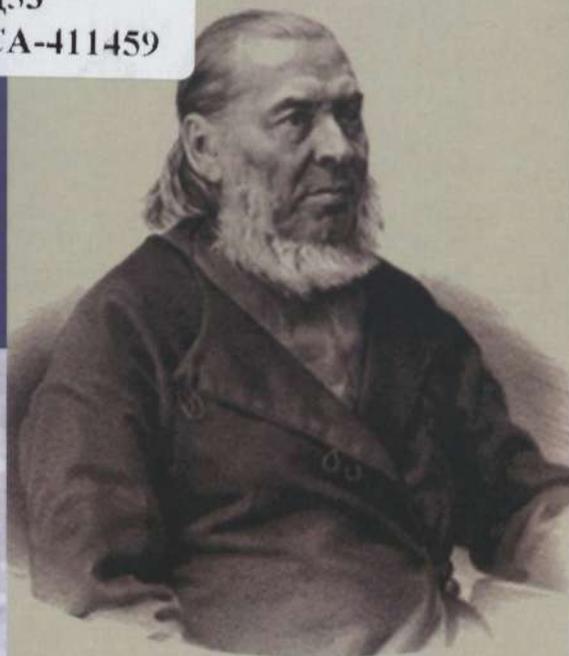
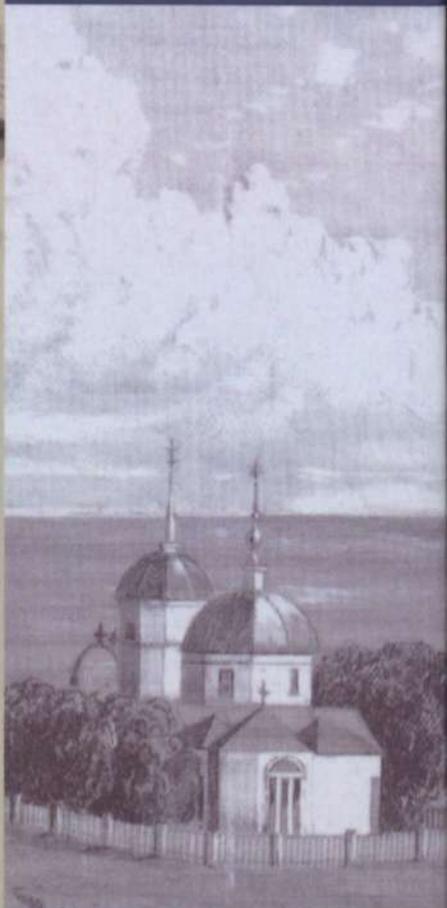

63.3(2)5-8
Д53
СА-411459

16+

А. П. Дмитриев
СЕМЬЯ АКСАКОВЫХ

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Центр по изучению традиционалистских направлений
в русской литературе Нового времени

*К 200-летию со дня рождения И. С. Аксакова
1823 – 26 сентября (8 октября) – 2023*

А. П. Дмитриев

СЕМЬЯ АКСАКОВЫХ
литературное наследие
и гражданская позиция

из архивных разысканий

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Росток

Санкт-Петербург
2023

CA-411459

С. Т. АКСАКОВ И ЕГО СЫНОВЬЯ О ВООРУЖЕННОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ РОССИИ И ЗАПАДА

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Когда проникаешь в прошлое, нужно, чтобы оно прошло через сердце. Прошлое, которое проходит только через разум, — мертвое прошлое.

Жюль и Эдмон де Гонкур.

Дневник. 17 апреля 1866 г.

(пер. с фр. Е. Д. Завалишиной)

Последние шесть десятков лет, начиная с выхода Собрания сочинений С. Т. Аксакова, подготовленного С. И. Машинским (1955—1956), и публикации основного корпуса поэзии его сыновей Ивана (1960) и Константина (1964)¹, наметился неуклонно возрастающий интерес к семье Аксаковых. Из последних свидетельств этого все более заметно-го общественного и исследовательского внимания назовем:

¹ Имеем в виду издания из «Большой серии» «Библиотеки поэта»: Аксаков И. С. Стихотворения и поэмы / подг. текста и прим. Е. С. Калмановского. Л.: Сов. писатель, 1960. 298 с.; Аксаков К. С. Стихотворения; Олег под Константинополем // Поэты кружка Н. В. Станкевича / вступ. ст., подг. текста и прим. С. И. Машинского. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 279—484.

1) «семейную энциклопедию» «Аксаковы» под редакцией С. М. Каштанова (2015);

2) альбом-путеводитель по архивным и музейным фондам под названием «Аксаковы», составленный В. Б. Давлетбаевой и Э. Д. Орловым (2021) и альбом-каталог изобразительных материалов из собрания Пушкинского Дома «И. С. Аксаков», подготовленный Е. В. Кочневой (2023);

3) монографии: В. А. Кошелева «Сто лет семьи Аксаковых» (2005; 2-е изд.: 2019), А. А. Тесли «Последний из "отцов": биография Ивана Аксакова» (2015), Д. А. Бадаляна «"Колокол призывный": Иван Аксаков в русской журналистике конца 1870-х — первой половины 1880-х годов» (2016), Е. И. Анненковой «Константин Аксаков: веселье духа» (2018); серию книг Р. П. Поддубной: «Аксаковы: страницы жизни» (2016), «К. С. Аксаков: жизнь и творчество», «О. Г. Аксакова: биографический очерк» (обе — 2017) и «Г. С. Аксаков» (2020); книги С. В. Мотина об И. Аксакове: «Российский славянофил на правоохранительной службе» (2017) и «Истинный сын Отечества» (2023);

4) многочисленные издания первоисточников, из которых выделяются: академически подготовленные собрания сочинений И. С. Аксакова в 12 томах и К. С. Аксакова в 10 томах (на сегодняшний день вышло по два тома; главные редакторы, соответственно, А. П. Дмитриев и Е. И. Анненкова), «Переписка старших Аксаковых с детьми и внуками» (2016; Т. Е. Петрова, А. П. Дмитриев, Е. С. Левшина²), мемуары и письма С. Т. Аксакова и его сестры Н. Т. Карташевской под названием «Две Наташи» (2019; Т. Е. Петрова, А. П. Дмитриев, Е. С. Левшина), дневники и письма В. С. Аксаковой (2013; Т. Ф. Пирожкова) и ее переписка с двоюродной сестрой М. Г. Карташевской (2016; А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров), переписка И. С. Аксакова с общественными и государственными деятелями (под названием «Люди русской правды», 2018; А. П. Дмитриев, А. Г. Юшко), его же двусторонняя переписка с Ю. Ф. Самариним (2016; Т. Ф. Пирожкова, О. Л. Фетисенко) и Е. А. Свербеевой

² Здесь и далее в скобках указаны имена основных составителей и подготовителей изданий.

(2022; Т. Ф. Пирожкова), переписка семьи Аксаковых с писательницей Кохановской (Н. С. Соханской) (2018; О. Л. Фетисенко) и Г. С. Аксакова с родными (2021–2022; Т. Е. Петрова, А. П. Дмитриев, Е. С. Левшина); редакционные материалы журнала «Русская Беседа» (2011; А. П. Дмитриев, Б. Ф. Егоров, А. М. Пентковский), альманаха «Московский Сборник» (2014; В. Н. Греков) и газеты «День» (2017; Н. Н. Вихрова, А. П. Дмитриев, С. В. Мотин); книга «Автографы С. Т. Аксакова в собрании Музея-заповедника «Абрамцево»» (2021; А. Г. Кузнецова, Е. Н. Левина)...

Что это, как не «подлинный публикационный бум»?³

Необыкновенно интенсивна и научно-музейная деятельность: в самые последние годы защищены десятки диссертаций по аксаковской тематике, ежегодно проводятся научные конференции, выходят специализированные периодические издания «Аксаковский сборник», «Аксаковские чтения» и «Абрамцево», библиографические указатели (большая часть создана подвижническими трудами уфимца П. И. Федорова) и справочные пособия (чего стоят подготовленные в 2010–2015 годах уфимским аксаковедом, полковником полиции в отставке С. В. Мотиным «Материалы для летописи жизни и творчества» И. С. Аксакова в 12 (!) книгах).

Наконец, не испугавшись пандемии, 20–21 мая 2021 года в Москву на Первый Аксаковский съезд собрались представители семи регионов России: сотрудники музеев и библиотек, писатели, ученые, педагоги, общественные деятели — и обсудили насущные задачи общероссийского аксаковского движения. 9–11 сентября 2022 года в Самаре состоялся Второй Всероссийский съезд Аксаковского сообщества. В нынешнем, 2023 году проходят торжества в честь 200-летия со дня рождения И. С. Аксакова, последнего сла-

³ Выражение историка философии и социологии А. А. Тесли из его статьи «Концепция славянофильства Анджея Валицкого в историографическом кругу» (*Валицкий А. В кругу консервативной утопии: структура и метаморфозы русского славянофильства* / пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое лит. обозрение, 2019. С. 687).

4. Г. С. АКСАКОВ В ДОЛЖНОСТИ СУДЕЙСКОГО ЧИНОВНИКА И ГУБЕРНСКОГО ПРОКУРОРА: ЧЕСТНОСТЬ, КОМПЕТЕНТНОСТЬ, РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Принято считать, что в системе Министерства юстиции Г. С. Аксаков прослужил около шести лет — с 9 августа 1844 года по 4 июня 1850 года, сначала на посту товарища председателя Владимирской палаты гражданского суда, затем исправляя должность губернского прокурора: с 5 декабря 1845 года оренбургского (в Уфе), а с 21 сентября 1846 года — симбирского¹⁵⁶. Однако по сведениям Р. П. Поддубной, Григорий Сергеевич был причислен к Министерству юстиции годом ранее, еще «в 1843 году в чине титулярного советника»¹⁵⁷. Эта точка зрения находит косвенное подтверждение в его письме к брату Ивану о получении назначения во Владимир в августе 1844 года, которое не увязано напрямую с переходом в Министерство юстиции¹⁵⁸.

Так или иначе, но сведения об этом периоде жизни и деятельности Г. С. Аксакова в печатных источниках крайне скудны: фактически, помимо выше приведенных данных из формулярного списка, никаких иных свидетельств о его службе по ведомству Министерства юстиции не имеется. Однако о ее подробностях хорошо были осведомлены родные Григория Сергеевича — его родители, братья и сестры. С. Т. Аксаков упоминал в письме к Н. В. Гоголю от 16 ноября 1844 года: «...Гриша служит товарищем председателя Гражданской палаты во Владимире, и хотя не изумляет меня, но утешает более Ивана...»¹⁵⁹. Узнавать о перипетиях служебных будней Г. С. Аксакова родные могли из его устных рассказов во время ежегодных приездов в Москву в от-

¹⁵⁶ Цимбаев Н. И. Аксаков Григорий Сергеевич // Аксаковы: семейная энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2015. С. 27.

¹⁵⁷ Поддубная Р. П. Аксаковы. Самара: Офорт, 2016. С. 296.

¹⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 36.

¹⁵⁹ Аксаков С. Т. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 305.

пуск. Но, конечно, более оперативной и детальной была информация, получаемая из регулярной переписки. В Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Санкт-Петербург) сохранились 11 писем Г. С. Аксакова к родителям за 1844—1849 годы и 3 его письма к брату Ивану за 1844 и 1846 годы, еще одно письмо к родителям от 4 августа 1849 года находится в фондах Российской государственной библиотеки в Москве. В настоящее время они опубликованы в составе большого тома переписки Г. С. Аксакова с родителями, женой и детьми, издание которого предпринято по инициативе известных уфимских аксаковедов М. А. Чванова и Т. Е. Петровой, при поддержке Аксаковского общества и участии сотрудников Пушкинского Дома¹⁶⁰.

Дошедшие до нас письма Г. С. Аксакова — крохотная часть написанного им (он регулярно отправлял родным по 1—2 письма в неделю). Тем не менее содержащиеся в них сведения драгоценны и позволяют получить цельное представление о Г. С. Аксакове как о юристе-практике, судебском чиновнике и прокуроре.

Как известно, он начал свою государственную службу помощником секретаря в канцелярии Правительствующего Сената — сначала (с 16 июня 1840 года) 2-го (петербургского) его департамента, а 17 мая 1841 года был переведен в 7-й (московский) департамент. Служба в столицах предвещала устойчивый карьерный рост. Но Григорий не в этом видел свое жизнеполагание. Получив предписание ехать во Владимир, он 22 августа 1844 года писал брату Ивану: «Жизнь эта совершенно для меня новая, и я до сих пор не верю, что оставляю Москву»¹⁶¹. При этом он принципиально стремился уехать в российскую глубинку и поддерживал сходное желание младшего брата: «Предположение твое служить в губернии очень мне нравится. Мне кажется, это необходимо для окончательного формирования и человека, и чиновника»¹⁶². Высокий гражданский настрой 24-лет-

¹⁶⁰ См.: Аксаков Г. С. Переписка с родными. Ч. I.

¹⁶¹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 36.

¹⁶² Там же. Л. 36 об.

него юриста (делать не карьеру, а послужить России, стать полноценной личностью) плодотворно сказался уже на первых порах его жизни в провинции.

Чтобы обеспечить твердое соблюдение законности в подведомственном ему регионе, Г. С. Аксаков принял за правило по возможности не сближаться дружески, а тем более запанибратски, ни с кем из губернского начальства. Об этом он нередко пишет родным. Так, в письме из Симбирска от 28 мая 1847 года он сообщает о губернаторе Н. М. Булдакове, пытавшемся «приручить» молодого прокурора: «Губернатор перед этим был у меня и в обществе перед всеми старается выказать свои хорошие отношения ко мне. Взял меня под руку и стал толковать о делах, но я продолжал быть церемонным»¹⁶³.

Такое поведение позволяло гарантировать равенство перед законом и рядовых обывателей, и власть имущих. Характерный случай произошел еще во Владимире, в бытность Г. С. Аксакова товарищем председателя Палаты гражданского суда. 14 июля 1845 года он не без гордости сообщал родным: «...на этой неделе мне удалось по крайней мере порядочно озадачить человека, действующего во имя *права сильного*. Рязанский губернатор Кожин, племянник князя Волконского (министра), человек, чрезвычайно самовластный, имеет в одном из уездов большое имение. Весь Уездный Суд находится в его повиновении, и я недавно заметил Суду неправильные его действия. В это время приехал Кожин, и Суд в угоду его сделал не совсем так, как я требовал. Кожин, думая, что он может все делать, что хочет, взял от Суда доношение в Палату и в пятницу (вчера) прислал ко мне в Палату. Кожин пользуется репутациею человека чрезвычайно сильного, строптивного и не терпящего противоречий; вообразите же, как должен был рассердиться он, когда я сказал его поверенному, чтобы он с конвертом ехал назад в Суд, который обязан бумаги свои присылать по почте, а не давать в руки просителям. Он поехал жаловаться губернатору. Губернатор, у которого я (и весь город) вчера

¹⁶³ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 8. Л. 25.

обедал и видел Кожина, но с ним не познакомился, — упрасивал меня, но я решительно отказал, сказав, что губернатору стыдно не знать законы и более нежели кому-либо следует наблюдать за исполнением их, указал ему статью, и хотя видно будет, что отказ мой был ему неприятен, но он принужден был кончить благодарностию, что я строго соблюдаю все предписанное законом. И так бумага отправилась назад. Чрезвычайно приятно заставить право сильного склониться перед законом. Пусть эти деспоты знают, что не всегда и не везде они могут выказывать власть свою. Отказ мой произвел впечатление (sensation)»¹⁶⁴.

Непосредственный начальник Г. С. Аксакова, владимирский губернатор П. М. Донатуров, затаил обиду на него еще и по другому поводу. 6 июля 1845 года Г. С. Аксаков был произведен в коллежские асессоры, и, по заведенному обычаю, губернатор ждал от него благодарности. 8 августа того же года Аксаков писал родным: Донатуров «говорил многим, что я с ним неучтив, с тем чтобы мне то передали, и я передавшим мне это отвечал, что если бы он прислал меня поздравить (многие приезжали), то я приехал бы его поблагодарить; что чин получил я не от него, а от министра, к которому сделано им представление обо мне вследствие журнала Палаты, которого изменить он не мог; что он имел право дурно меня аттестовать, но к этому не имел и не имеет никакого основания и что я всегда учтив, когда со мною учтивы»¹⁶⁵.

Г. С. Аксаков настойчиво боролся с коррупцией и решительно пресекал любые попытки подкупа, даже, казалось бы, вполне невинные. 10 июля 1845 года он сообщал родителям: «Вчера, воротившись из Палаты, нашел я у себя русского мужика, богато одетого, с плутовскими глазами, чудною длинною бородой и с блюдом слив, персиков и абрикосов. Это был управляющий большого имения графа Воронцова (того, который на Кавказе), пришедший со мной познакомиться. Хотя в настоящее время и нет дел у гр. Воронцова,

¹⁶⁴ Там же. Л. 7 об.—8 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 10.

но я отказался. Это так его поразило, что он долго не знал, что делать, умолял меня всем, чем только можно, принять хлеб-соль, считал себя несчастным, грешником, наконец, валялся в ногах. Доказывал, что это по приказанию графа приносить из оранжереи людям достойным и почетным, что ему стыдно будет вернуться; я предложил ему деньги, он не соглашался, не брал; история эта продолжалась более получаса; наконец, он побожился перед Богом, что отдаст мой полтинник первому бедному»¹⁶⁶. Эта колоритная сценка свидетельствует, с одной стороны, о том, как глубоко взяточничество было вкоренено в русскую провинциальную жизнь, а с другой — насколько неприемлемо для Г. С. Аксакова было унижать свое достоинство, соглашаясь брать «подарки». В день Пасхи 1847 года, праздновавшейся 23 марта, он сокрушался в письме к родным из Симбирска по поводу желавших непременно лично поздравить его: «У меня столько приезжало, что я не велел даже принимать. Всякий чиновник, полиция, купцы — всё идет с поздравлением к прокурору»¹⁶⁷.

В том же духе он пытался перевоспитывать своих подчиненных, не допуская, чтоб они принимали от просителей какие-либо «изъявления благодарности». 4 ноября 1844 года Г. С. Аксаков уведомлял родителей: «Нынче еду отдать визиты секретарям: хочу своим к ним приездом поставить самих их выше в своих глазах и учтивым и благородным обхождением сделать их благороднее. Было уже много попыток, всякими способами, и я нынче еще объявил секретарям, бывшим у меня с предст<авлением>, чтобы отклоняли просителей, если будут действовать через них, от всякого изъявления благодарности, что я готов во всякое время и для всякого делать всё, что можно, по закону и что они мне будут отвечать за малейшую жалобу на них. Кажется, это их испугало»¹⁶⁸.

Покидая Уфу, где Г. С. Аксаков проживал, исправляя должность оренбургского губернского прокурора, он с удов-

¹⁶⁶ Там же. Л. 6—6 об.

¹⁶⁷ Там же. Л. 30 об.

¹⁶⁸ Там же. Л. 1 об.—2.

летворением отмечал (в письме к родителям от 8 октября 1846 года), что, сожалея о его отъезде, в уфимском обществе о нем говорят как о человеке, который «действует беспристрастно и ни для кого не нарушает закона, что они поражаются им, сознают его достоинства и истинно жалеют о его потере»¹⁶⁹. Более того — благодаря своей принципиальности Г. С. Аксаков стал чем-то вроде «луча света в темном царстве» уфимской бюрократии. Он сообщал в том же письме: «Мне говорят, что постоянное прочитывание журналов¹⁷⁰ действовало благотворно на присутственные места и они боялись загибаемых мною уголков, что люди, которые позволяли себе толковать о взятках и тому подобное, замолчали и даже редко показывались в обществе, потому что дурное я бранил при всех; дамы старались быть plus comme il faut¹⁷¹ и занимались более прежнего чтением и музыкой и пр. Стряпчие дрожали, потому что ничего не платили, исправники и городничие тоже, потому что двумтаки досталось по моему настоянию»¹⁷².

Такое уважительное отношение со стороны местного общества было достигнуто не только безукоризненной честностью, но и высокой компетентностью, доскональным знанием законодательства. Министр юстиции граф В. Н. Панин признавал братьев Г. С. и И. С. Аксаковых «лучшими чиновниками из правоведов»¹⁷³, то есть из выпускников Училища правоведения в Петербурге. При этом Г. С. Аксаков постоянно пополнял багаж юридических знаний. Так, 9 апреля 1846 года он писал родителям из Уфы: «На этой неделе занимаюсь чтением Уголовного уложения, которое с 1го мая должно быть приведено в действие, и некоторыми рапортами к министру (о том, как производить дела ищущих свободу в Уг<оловной> Пал<ате>, и пр.)»¹⁷⁴.

Блестящее знание Г. С. Аксаковым тонкостей законодательства проявилось на дворянских выборах в Симбирске.

¹⁶⁹ Там же. Л. 14.

¹⁷⁰ Речь идет о журналах заседаний суда и пр.

¹⁷¹ лучше, чем нужно (*фр.*).

¹⁷² ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 8. Л. 14—14 об.

¹⁷³ Там же. Л. 18 об.

¹⁷⁴ Там же. Ед. хр. 9. Л. 33.

28 мая 1847 года он сообщал родным: «В среду началась бал<л>отировка. Тут-то было мне много работы. Все дворяне сели по уездным столам, и то тот, то другой предводитель подбегали ко мне. Случалось, что несколько вдруг. Признаюсь, иногда случалось стать в тупик, как растолковать статью; но это продолжалось недолго, и сейчас откуда возьмется решительность. Впрочем, я раз пять перечел всё, что только можно. <...> Дворянство, видя и знание с моей стороны законов, скорое их указание и ясное толкование, беспрекословно со мною соглашалось. Вдруг один уезд за другим бросились меня упрашивать: согласиться бал<л>отироваться. Признаюсь, мне было очень приятно их ко мне уважение, постоянно выказываемое в продолжение всех выборов<ов>, и очень лестно их упрашивание; но я решительно отказался»¹⁷⁵.

В период службы прокурором в Уфе у Г. С. Аксакова даже произошел конфликт с самим министром по поводу следования букве закона, о чем он рассказал в письме к брату Ивану от 6 августа 1846 года: «Служба моя в отношении к присутственным местам идет хорошо; но в отношении к Министерству — дурно; по делу Жуковского вместо одобрения и признательности, после того как письменно, хотя и частным образом, уведомили меня, что действия мои считают правильными и законными, Панин поставляет мне на вид вмешательство в частное дело, производящееся в 1-й степени Суда, и назвал это превышением власти, говоря, что ст<атья> о наблюдении за сохранением порядка производства относится до надзора в губернских местах, — что противоречит 3879 ст<атье> 2 т<ома>, по которой Уездный надзор имеет предметом своих действий то же, что и Губернский. После того прокурорское место делается совершенно лишним, тогда как министр юстиции, подерживая прокуроров, мог бы держать в руках прочих министров»¹⁷⁶. Эта история, повлекшая явно несправедливое взыскание по службе, как признавался Г. С. Аксаков

¹⁷⁵ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 8. Л. 25 об.—26. Николай Васильевич Жуковский (1793—1852) — петербургский гражданский губернатор.

¹⁷⁶ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 3 об.

брату, чуть было не вынудила его подать «просьбу об отставке»¹⁷⁷.

Прямота нрава и внутренняя свобода молодого прокурора, ни для кого не нарушавшего закон даже в мелочах и не позволявшего другим делать этого, зиждились, на наш взгляд, на прочном фундаменте религиозной веры. В своих письмах к родным он то и дело пишет о посещении церкви, подготовке к таинству причастия, рассказывает о визитах к епископам местных епархий и беседах с ними. Очевидно, что вера для него не нечто показное, выгодное для продвижения по службе (как для некоторых его сотоварищей-чиновников), а сам воздух его жизни.

Религиозно-нравственные приоритеты Г. С. Аксакова хорошо характеризует один эпизод из его жизни в Уфе. 7 апреля 1846 года, в день Пасхи, он описывал родителям, как провел предшествующую неделю: «На Страстной я говел; в среду исповедывался, а в четверг причащался. В субботу был я в остроге, пожертвовал на покупку яиц арестантам 5 р<ублей> ас<сигнациями>, и накануне праздника привелось доставить радость одной заключенной цыганке, следующей в Сибирь на поселение не за преступление, а за бродяжничество и не приписание к месту жительства. Она была оставлена в остроге для прокормления своего ребенка, на что полагается законный срок. По истечении этого срока ребенок отдан был в день моего приезда Приказу, а она на основании другого закона не может идти ранее 15 мая. Надобно было видеть ее слезы и слышать просьбы о возвращении ей ребенка до мая месяца, чтобы иметь понятие, как сильны бывают чувства в низком классе. Вообразите себе женщину молодую, растрепанную и с глазами, сверкающими каким-то отчаянием от горести»¹⁷⁸. Несмотря на предпраздничный день, Г. С. Аксаков тут же связался с оренбургским гражданским вице-губернатором А. А. Македонским с просьбой помочь несчастной матери, и тот пошел навстречу. Аксаков продолжал: «Согласно моей прось-

¹⁷⁷ Там же. Л. 4.

¹⁷⁸ Там же. Оп. 12. Ед. хр. 9. Л. 31—31 об.

бе Македонский приказал ее поместить в комнату при Полиции и возратить ей ребенка, дабы она могла постепенно отучить его от груди»¹⁷⁹.

Служа в Уфе, Г. С. Аксаков заботился о церкви в родительском имени Надежино (ныне Надеждино), возведенной в 1799 году и освященной во имя Святого великомученика Димитрия Солунского. Он писал родителям 8 октября 1846 года: «Мне хотелось выбрать при себе священника в Надежино, а теперъ еще надобно двух, потому что Ив<ан> Сем<енович>, как пишет мне его сын, умер; — сын его не кончил курса, однако я буду просить Архиеерея оставить место за ним и сделать его священником через год. Он очень скромный молодой человек»¹⁸⁰. Упомянутый архиерей — владыка Иоанникий (Образцов), епископ Оренбургский и Уфимский (в 1835—1849 годах), а настоятель надежинской церкви — священник Иоанн Семенович Кибардин, служивший при ней с 1811 года. Благодаря этому письму стал известен год его кончины — 1846-й.

В своих письмах Г. С. Аксаков делится с родными многими подробностями своей служебной и личной жизни в провинции, рассказывает о мелочах быта и душевных волнениях. Интересно его принципиальное неприятие так называемых «вредных привычек». 4 ноября 1844 года он писал из Владимира: «Водка у нас есть, и ее здесь подают во всех домах, с закуской, перед обедом и перед ужином, но я не нахожу удовольствия и надобности дотрагиваться до нее»¹⁸¹. Сходным было его отношение и к азартным играм, к которым он иногда прибегал вынужденно, чтоб не нарушать местных приличий. 9 апреля 1846 года Г. С. Аксаков сообщал из Уфы: «Вчера был танцевальный вечер у Македонских, и я был рад танцам, чтобы отказать от карт. Здесь менее 5 к<опеек> сер<ебром> не играют, и со времени моего приезда я проиграл уже 60 р<ублей>»¹⁸².

¹⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 12. Ед. хр. 9. Л. 31 об.

¹⁸⁰ Там же. Ед. хр. 8. Л. 12 об.

¹⁸¹ Там же. Л. 1 об.

¹⁸² Там же. Ед. хр. 9. Л. 33.

В Уфе у него завязались мучительные отношения с Елизаветой Грузинцевой, дочерью вице-губернатора, жившей раздельно с мужем. 16 ноября 1846 года Г. С. Аксаков писал брату Ивану «В эти 8 месяцев я узнал, как тяжела любовь женщины, которую не любишь <...>. Ко всему этому расположение ее к чахотке ставило меня в такое положение, что я должен был по человечеству, из сожаления выказывать внимание, прибавляя, впрочем, что я никогда не был влюблен и не могу быть влюбленным. Это была замужняя дочь Македонского, муж которой в каком-то городишке Моск<овской> губ<ернии> городничим, в полном смысле скотина, она молодая женщина, лет 20 и весьма страстная. Я благодарю Бога, что и в этом столкновении я остался чистым и твердым»¹⁸³.

Таким образом, письма Г. С. Аксакова к родным — ценный биографический и исторический источник, свидетельствующий о том, что честный, компетентный, душевно чистый судебский чиновник и прокурор Григорий Сергеевич Аксаков — отличный образец для подражания молодым правоведам, еще только вступающим на путь государственной службы.

5. С. Т. АКСАКОВ О РЕЛИГИОЗНОМ СМЫСЛЕ СУПРУЖЕСКОЙ ЛЮБВИ И СПАСИТЕЛЬНЫХ УРОКАХ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА

Первым из детей Аксаковых создавшим семью стал, как известно, средний сын, 27-летний Григорий Сергеевич Аксаков, обвенчавшийся со своей избранницей 17-летней Софьей Александровной Шишковой 8 января 1848 года в г. Симбирске — вдали от родителей и всей московской

¹⁸³ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 34 об. — 35.

это ослабило бы соблазнительность примера в глазах целой Европы»¹⁹⁷.

В завершении же письма С. Т. Аксаков, певец русской природы и русского быта, словно бы возвращается к самому заветному в себе, живописуя, как он проводит последние зимние дни: «У нас стоит чудесная погода. На санях можно ездить только по переулкам. Я начал было ежедневно выезжать, но третьего дни, сделав 4 визита и куря сигарку в карете с открытым окном, я простудил зубы и теперь не знаю, когда могу начать свои прогулки»¹⁹⁸.

6. РОССИЯ ПЕРЕД УГРОЗОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ПИСЬМО К. С. АКСАКОВА К ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I ОТ 28 МАРТА 1848 ГОДА

Об отложившемся в архивохранилище Пушкинского Дома письме К. С. Аксакова, адресованном Николаю I в марте 1848 года, когда Европу захлестнула волна неповиновения властям и вооруженных восстаний, стало известно не так давно. О нем не упоминается в 22-томном труде Н. П. Барсукова о М. П. Погодине¹⁹⁹ — летописи славянофильского движения, до сих пор единственной в своем роде по подробности и документированности; нет ни намек на это письмо ни в довольно подробной монографии С. А. Венгерова о К. С. Аксакове²⁰⁰, ни в опубликованной семейной переписке Аксаковых, ни в обзорном описании архива К. С. Аксакова, подготовленном Е. И. Анненковой²⁰¹.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ Там же. Л. 12 об.

¹⁹⁹ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1888—1910. Кн. I—XXII.

²⁰⁰ Венгеров С. А. Собр. соч. Т. 3: Передовой боец славянофильства. Константин Аксаков. СПб.: Прометей, 1912. VIII, 248 с.

²⁰¹ Анненкова Е. И. Архив К. С. Аксакова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 3—19.

Ю. Ф. Самарина и других славянофилов) проповедями А. Вине нельзя назвать сиюминутным и преходящим, оно оказало известное влияние на душевную жизнь В. Аксаковой и М. Карташевской, на творчество Хомякова и И. Аксакова. Характер, степень и плоды этого влияния должны стать предметом дальнейшего сосредоточенного исследования.

4. КРЫМСКАЯ ВОЙНА И РУССКИЙ МИР В ПЕРЕПИСКЕ В. С. АКСАКОВОЙ И М. Г. КАРТАШЕВСКОЙ*

Переписка старшей дочери С. Т. Аксакова, Веры Сергеевны с ее двоюродной сестрой и близким другом Марией Григорьевной Карташевской продолжалась более четверти века¹⁴⁹ и насчитывает свыше полутора тысяч подробнейших писем (многие на 10—12 страницах), хранящихся за некоторыми исключениями в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Этот эпистолярный массив пока практически не исследован, а он представляет собой не только чуть ли не ежедневную летопись жизни знаменитого славянофильского семейства, но и ценнейший источник для изучения общественно-литературной жизни этого периода русской истории в целом. Эта регулярная переписка тем более

* Глава написана при участии Д. А. Федорова.

¹⁴⁹ Начинаясь переписка в 1836 году, когда Марию Карташевскую и любимого брата Веры Константина Аксакова захватила романтическая влюбленность, — он тогда посвятил кухне некоторые свои произведения: «Вальтер Эйзенберг» («Жизнь в мечте»), фантастическую повесть «Облако», стихи, — Вера же стала поверенной брата в его чувствах, поскольку родители Марии наложили запрет на ее переписку с Константином. В годы Крымской войны Вера будет ближайшей советчицей сестры в ее мучительных раздумьях, принимать ли предложение руки и сердца со стороны сенатора М. М. Карниолина-Пинского.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГР РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49